

Олег Будницкий
В.А. Маклаков и журнал «Современные записки»

Василию Алексеевичу Маклакову довелось участвовать в решающих событиях российской истории начала XX столетия. И — что случай не столь частый для политиков его поколения — было суждено жить долго (Маклаков скончался на 89-м году жизни). Времени, чтобы осмыслить происшедшее на его глазах и при его участии, оказалось более чем достаточно: Маклаков провел в эмиграции почти половину жизни — 40 лет. Использовал он отведенное судьбой для размышлений и анализа время с толком — написал несколько книг и немало статей о том, что предшествовало русской революции и что ее вызвало. О том, что видел, в чем участвовал и в чем был виноват. Книги Маклакова относятся к числу важнейших источников по истории «русской смуты» начала XX в. И к числу наиболее ярких и влиятельных мемуарных текстов, созданных русскими эмигрантами. Как ни удивительно, его главная книга была опубликована впервые на страницах СЗ. Удивительно — потому что идеи, которые развивал Маклаков в своих мемуарах (являвшихся в такой же степени воспоминаниями, как и размышлениями), были более чем противоположны «исповеданию веры» редакторов журнала.

Однако — по порядку. О Маклакове написано довольно много, в том числе и автором этих строк¹. Напомним тем не менее основные вехи его биографии. Василий Алексеевич Маклаков родился 10 мая 1869 г. в Москве в семье потомственных дворян; его отец был известным врачом-окулистом, профессором (1890), мать происходила из богатой помещицкой семьи. После ранней смерти матери отец женился вторым браком на дочери директора Петровско-Разумовской академии Л.Ф. Ламовской (в девичестве — Королевой), в прошлом гражданской жене В.А. Слепцова, близкой к демократическим кругам. Мачеха была известной писательницей, публиковавшей свои произведения под псевдонимом Л. Нелидова.

После окончания в 1887 г. с серебряной медалью 5-й Московской гимназии Маклаков поступил на естественный факультет Московского университета,

¹ См.: *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милоков // НЖ. 1960. № 60. С. 265–280; *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; *Он же.* Маклаков и Милоков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; *Он же.* В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1 (19). С. 42–94; *Он же.* Милоков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милоков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; *Он же.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков: Переписка 1919–1951: В 3 т. / Ред., вступ. ст. и коммент. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд, 2001 (далее: Бахметев — Маклаков. Переписка). Т. 1. С. 16–114; *Он же.* Попытка примирения // Диаспора. Париж; СПб., 2001. [Вып.] 1. С. 179–240; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005 и др.

однако затем перешел на историко-филологический, который окончил в 1894 г. Принимал активное участие в студенческом движении, был одним из создателей московского землячества. Большое впечатление на него произвела поездка во Францию в 1889 г.; там он познакомился с французскими студентами и пытался воспроизвести некоторые формы самоорганизации студенчества в России. Несмотря на то что деятельность Маклакова носила неполитический характер, он дважды исключался из университета (восстанавливался с большим трудом, благодаря связям отца); в 1890 г. во время студенческих волнений в связи с закрытием Петровской академии был арестован и пять суток провел в Бутырской тюрьме. Осенью 1890 г. был отправлен семьей — от греха подальше — за границу в сопровождении мачехи; два месяца провел в Швейцарии, где Нелидова познакомила его с известным географом и анархистом Э. Реклю; тогда же Маклаков познакомился с работами Л.И. Мечникова и увлекся его идеями. На историко-филологическом факультете наибольшее влияние на Маклакова оказал знаменитый медиевист П.Г. Виноградов, намеревавшийся оставить его при университете для приготовления к профессорскому званию. Работа Маклакова «Избрание жребием в Афинском государстве» была опубликована в вышедшем под ред. Виноградова сборнике «Исследования по греческой истории» (М., 1894), однако оставлению Маклакова при университете воспротивился попечитель Московского учебного округа Н.П. Боголепов.

Смерть отца, заставившая Маклакова думать о заработках для содержания семьи, в которой он остался старшим, а также общественный темперамент привели его к решению стать адвокатом; в 1896 г. он сдал экстерном экзамены за юридический факультет, освоив программу за год, что считал «главным спортивным достижением» своей жизни. С 1896 г. Маклаков — присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. Сначала был помощником А.Р. Ледницкого и знаменитого судебного оратора Ф.Н. Плевако, однако удачные выступления в ряде процессов быстро принесли ему известность и самостоятельную практику; решающую роль сыграла его речь на процессе по делу о злоупотреблениях в Северном Страховом обществе (1898), высоко оцененная юридической общественностью и опубликованная в журнале «Судебные драмы» (1898. Т. 2).

Маклаков много выступал в провинции в качестве своеобразного «гастролера» по гражданским и уголовным делам. В начале XX в. вместе с Н.К. Муравьевым, П.Н. Малянтовичем, Н.В. Тесленко и др. он создал кружок молодых защитников по политическим делам и принимал участие в политических процессах по всей России; Маклаков становится одним из самых популярных адвокатов России. Среди наиболее известных процессов, в которых выступал Маклаков, — дело М.А. Стаховича против кн. В.П. Мещерского по обвинению в клевете (1904), в котором он защищал интересы истца, дело Долбенковских крестьян, разгромивших экономию вел. кн. Сергея Александровича (1905).

В 1891 г. Маклаков познакомился с Л.Н. Толстым; он находился в близких отношениях с Толстым и его семьей до самой смерти писателя, неоднократно гостил в Ясной Поляне. Толстой оказал на Маклакова огромное влияние; быстро преодолев увлечение «толстовством», Маклаков тем не менее считал

писателя нравственным образцом. Любопытно, что Толстой, при всем его презрительном отношении к адвокатам en masse, часто обращался к Маклакову по различным юридическим вопросам. Маклаков опубликовал ряд мемуарных очерков и статей о Толстом: «Толстой и суд» (Рус. мысль. 1914. Кн. 3), «Толстой как общественный деятель» (М., 1912), «Большевизм и Толстой» (Париж, 1921) и др., которые относятся к лучшему, написанному о великом моралисте. Маклаков находился также в дружеских отношениях с А.П. Чеховым.

В начале 1900-х гг. Маклаков принимал участие в земском движении. В 1904 г. стал секретарем кружка либеральных земцев «Беседа». Бывая ежегодно во Франции, доставлял информацию П.Б. Струве для «Освобождения». В 1905 г. стал одним из основателей партии кадетов, со II съезда партии (январь 1906 г.) – членом ее Московского комитета и ЦК; в партии Маклаков становится видным деятелем ее правого крыла. По кадетскому списку избирался во II–IV Государственные думы. В период избирательной кампании во II Думу был руководителем кадетской партийной школы ораторов, совместно с А.А. Кизеветтером подготовил руководство для партийных ораторов, получившее название «кизеветтеровского катехизиса».

Речь Маклакова 13 марта 1907 г. во II Думе о военно-полевых судах, в которой он говорил, что их деятельность бьет по идее права и законности и подрывает основы государственности, принесла ему всероссийскую славу, и он, подобно «Байрону после выхода Чайльд-Гарольда, проснулся знаменитым» (Г.В. Адамович). Маклаков составил (совместно с И.Я. Пергаментом) «Наказ Государственной Думе» (СПб., 1907), то есть ее регламент. «Наказ...» никогда официально принят не был, но фактически Дума следовала ему в своей работе; Маклаков продолжал его дополнять и редактировать. Считал, что Основные законы Российской империи, изданные 23 апреля 1906 г., дают достаточно возможностей для совершенствования социального и политического устройства страны. Пытался искать компромисс с властью; накануне роспуска II Думы вместе с П.Б. Струве, М.В. Челноковым и С.Н. Булгаковым встречался с премьер-министром П.А. Столыпиным, надеясь предотвратить роспуск. Не одобряя Выборгского воззвания, в котором группа депутатов распущенной I Думы призывала, в знак протеста против ее роспуска, среди прочего не платить налоги и отказываться от службы в армии, Маклаков выступил тем не менее защитником на процессе по делу о бывших членах Государственной думы, подписавших воззвание (1908), и произнес одну из самых блистательных своих речей.

Особенность положения Маклакова в партии заключалась в том, что он считал возможным сотрудничество с правительством, с одобрением относился ко многим сторонам деятельности Столыпина; он критиковал аграрную программу партии, предусматривавшую принудительное отчуждение части частновладельческих земель, за излишнюю левизну, скептически оценивал правосознание народных масс и вследствие этого не верил в благие последствия введения «четырёххвостки» (всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права). Характерно, что он не печатался в центральных партийных изданиях – газете «Речь» и журнале «Вестник партии Народной

свободы». Нередко полемизируя с лидером партии П.Н. Милоковым, Маклаков в целом все-таки придерживался норм партийной дисциплины (не очень строгой у кадетов).

В III Думе Маклаков выступал с речами по делу Азефа (1909), об отмене черты еврейской оседлости (1911), о бюджете Министерства внутренних дел (1911), о введении земства в Западном крае (1911) и др., неизменно отстаивая в них начала права и законности. В речи о западном земстве Маклаков резко выступил против Столыпина, критикуя его методы проведения законопроектов в порядке применения ст. 87 Основных законов, то есть путем временного роспуска обеих законодательных палат. Судебные и думские речи Маклакова принесли ему славу одного из лучших русских ораторов, «московского золотоуста». Ораторское мастерство Маклакова стало своеобразным оружием партии кадетов.

Начала права и законности Маклаков отстаивал также в своих публичных лекциях и публицистике; он печатался в газете «Русские ведомости», журналах «Русская мысль», «Вестник Европы», «Московский еженедельник». Принципиальное значение имела его статья «Законность в русской жизни» (Вестник Европы. 1909. № 3). Он увлекся идеей славянского единства, подогретой аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г.; участвовал в деятельности различных славянских организаций. Его публичная лекция «Сербия и славянский вопрос» в Обществе славянской культуры 23 октября 1908 г. была прекращена приставом после слов:

Есть то достоинство, которое учит кланяться сильным и затем на слабых вымещать свое унижение. Есть и то извращенное национальное чувство, которое широко открывает двери германскому вмешательству, и это унижение возмещает походом против финляндцев, поляков, евреев, малороссов и в этом видит удовлетворение национального чувства².

Маклаков считал, что в «законное чувство национального возрождения» должно вкладываться достойное содержание, а прогрессивная внешняя политика — сочетаться с прогрессивной политикой внутренней.

В 1913 г. Маклаков вместе с Д.Н. Григоровичем-Барским, О.О. Грузенбергом и Н.П. Карабчевским выступил в качестве защитника на процессе по делу М. Бейлиса, обвиненного в совершении ритуального убийства. По мнению современников, именно логичная, изложенная доступным для присяжных языком речь Маклакова сыграла решающую роль в успехе защиты. Речь Маклакова была издана отдельной брошюрой «Убийство А. Ющинского. Речь в Киевском окружном суде 25 окт. 1913 г.» (СПб., 1914). Делу Бейлиса он посвятил статьи «Значение дела Бейлиса» (Рус. ведомости. 1913. 30 окт. № 250) и «Спасительное предостережение: Смысл дела Бейлиса» (Рус. мысль. 1913. № 1), в которых писал, что приговор присяжных спас доброе имя суда, едва

² Московский еженедельник. 1908. 1 ноября. № 43. С. 13.

не опорооченное действиями высших судебных властей. Маклаков, так же как редакторы «Русских ведомостей» и «Русской мысли», был предан суду «за распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц» и приговорен к трем месяцам тюремного заключения. Исполнение приговора было отсрочено, а затем его «отменила» Февральская революция.

В годы Первой мировой войны Маклаков — на патриотических позициях; с 1914 г. принимал активное участие в деятельности Всероссийского земского союза. Однако бездарная политика правительства вызвала ряд его резких выступлений в Думе и в печати. Сенсацией стала статья Маклакова «Трагическое положение» (Рус. ведомости. 1915. 27 сент.). Ее читала «вся Россия». Маклаков предлагал читателям представить ситуацию, когда они едут в автомобиле со своей матерью по горной дороге; за рулем безумный шофер, который ни за что не хочет его отдать более умелым водителям. Вырвать руль у шофера — опасно; но что будет, если автомобиль все же сорвется в пропасть? Маклаковская аллегория была достаточно прозрачна: в неумелом шофере все, конечно, узнали Николая II, в матери — Россию.

Маклаков вошел в состав Прогрессивного блока; в списках возможного правительства неизменно значился как министр юстиции. 3 ноября 1916 г. произнес в Думе антиправительственную речь, закончив ее словами: «Либо мы, либо они: вместе наша жизнь невозможна». Степень его оппозиционности достигла такого накала, что этот законник выступил в качестве юридического консультанта убийц Г.Е. Распутина и даже снабдил одного из заговорщиков — князя Ф.Ф. Юсупова — кистенем, став, по его собственному признанию, фактически соучастником убийства³. Накануне Февральской революции вел бесплодные переговоры с царскими министрами Н.Н. Покровским и А.А. Риттихом о возможных мерах для предотвращения назревающего взрыва.

Деятели Прогрессивного блока были недовольны тем, как власть ведет войну. Им мерещилась не только некомпетентность, но и измена. Власть в самом деле своей неловкостью и неумением найти общий язык с обществом вызывала всеобщее раздражение. И претензии, предъявляемые к ней думской оппозицией, были во многом (кроме «измены») обоснованны. Однако, атакуя власть, думские ораторы как будто не сознавали, что вызывают духов революции, по сравнению с которой все предшествующие проблемы покажутся детскими игрушками.

Маклаков был одним из немногих деятелей оппозиционных партий, понимавшим, что в случае революции события пойдут совсем не по тому сценарию, на который рассчитывают политики; он не верил в способность общественности, не имевшей практического опыта, управлять страной; не верил он и в успешность осуществления реформ во время войны. Неудивительно, что он встретил Февральскую революцию без восторга. Ему как бы причитался пост

³ См.: *Маклаков В.А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // СЗ. 1928. № 34. С. 271–272.

министра юстиции; во всяком случае, он фигурировал и в министерском списке, составленном 13 августа 1915 г. при образовании Прогрессивного блока, на случай его прихода к власти, и в списке, составленном 6 апреля 1916 г. для кадетского съезда. Министром юстиции во Временном правительстве в итоге стал А.Ф. Керенский⁴.

Маклаков говорил, что портфеля ему никто не предлагал; М.А. Алданов предположил, и, возможно, не без оснований, что бесспорный кандидат на этот пост его особенно не добивался; надо было проявить некоторую настойчивость, а Маклаков не стал этого делать. Во всяком случае, выглядело довольно странным, что Маклаков, назначенный комиссаром в Министерство юстиции 28 февраля, не сменил эту должность на министерский пост. Затем он был избран председателем Юридического совещания при Временном правительстве, но отказался в пользу Ф.Ф. Кокочкина, которому ранее этот пост был «обещан»; в итоге Маклаков довольствовался ролью члена комиссии по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. Возможно, кроме пассивности самого Маклакова, в том, что он не сделал министерскую карьеру, сказались интриги председателя Временного правительства кн. Г.Е. Львова. Во всяком случае, Маклаков в частной переписке отзывался о нем и его стремлении продвигать «своих» людей с нескрываемым сарказмом и плохо скрытой обидой⁵.

Если определить одним словом господствующее настроение Маклакова в 1917 г., то этим словом, несомненно, будет «скептицизм». Симптоматично, что в период между Февралем и Октябрем он произнес, кажется, только одну публичную речь. Это было выступление на Московском государственном совещании в августе. Маклаков обратился к участникам совещания с призывом к единению: «Ведь если возможно, что без соглашения тех сторон, на которые разбилась Россия, каким-то чудом какая-то сила спасет нашу родину, то без этого соглашения свободы уже не спасти...»⁶

Это был глас вопиющего в пустыне. Маклаков не верил ни в возможность соглашения, ни в возможность установления твердой власти, которая ассоциировалась с военной диктатурой и конкретно с личностью генерала Л.Г. Корнилова. Он говорил одному из руководителей Офицерского союза Л.Н. Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем... Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся...»⁷ Говоря «мы», Маклаков имел в виду «общественных деятелей», устроивших Корнилову на Московском совещании восторженный прием.

Еще меньше надежд, при его ироничном отношении к «четырёххвостке», вызывало у Маклакова Учредительное собрание. «Для народа, — говорил он в декабре 1917 г., — большинство которого не умеет ни читать, ни писать, и при

⁴ См.: Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 234.

⁵ Маклаков — Бахметеву, 10 декабря 1921 г. (Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 2. Сентябрь 1921 — май 1923. С. 111—112).

⁶ Цит. по: Мельгунов С.П. О В.А. Маклакове // Возрождение. 1951. № 15. С. 154.

⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 31.

всеобщем голосовании для женщин наравне с мужчинами Учредительное собрание явится фарсом»⁸. М.В. Вишняк, будущий секретарь Учредительного собрания, писал о позиции Маклакова, когда они

в течение двух месяцев встречались почти ежедневно в Мариинском дворце в Особом совещании по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. В Совещании были и гораздо более умеренные участники, чем Маклаков, но их голосов не было слышно. От правого крыла, неизменно отстаивавшего ограничения в избирательных правах, главным и, как всегда, блестящим оратором был Маклаков. Он не скрывал своей неприязни к «четырёххвостке»⁹...

Кстати, сам Маклаков, уже будучи во Франции, по кадетскому списку был избран 24 ноября 1917 г. в это некогда вождеденное для русских либералов Собрание. Однако 28 ноября кадеты были объявлены большевиками «врагами народа», а некоторые товарищи Маклакова по партии арестованы. Просуществовало Учредительное собрание в России, как известно, менее суток: 5 января 1918 г. стало первым и последним днем его работы.

«В дни революции, в дни почти всеобщего общественного психоза, нарушения законности и права твердые голоса, отстаивающие настоящую свободу, приобретают исключительное значение», — писал о Маклакове С.П. Мельгунов¹⁰. В 1917 г. в России прислушивались к голосам других людей.

Неудивительно, что Маклаков охотно принял назначение послом в Париж.

Маклаков верительных грамот так и не вручил, но был *de facto* признан французским правительством послом. Представлял интересы Белого движения в Париже. Во время Гражданской войны Маклаков дважды ездил в Россию — осенью 1919 г. на Дон, к Деникину, ранней осенью 1920 г. — в Крым, к Врангелю. После поражения Белого движения посол стал *de facto* представителем российских изгнанников. В 1924 г., когда Франция признала Советский Союз, ушел в отставку с посольского поста и возглавил Эмигрантский комитет и Офис по делам русских беженцев при французском МИДе, став, по остроумному замечанию П.Н. Милюкова, парижским губернатором, а точнее — ходатаем по делам своих соотечественников¹¹.

В годы Второй мировой войны Маклаков занял патриотическую позицию — и по отношению к России (которая теперь называлась Советским Союзом), и по отношению к ставшей второй родиной Франции. Он возглавил группу, занимавшуюся антинацистской пропагандой и посильной помощью более активным борцам с нацизмом (все члены «группы Маклакова» были отнюдь не юношами, а ему уже перевалило за 70). В 1942 г. Маклаков был арестован, но после двух с половиной месяцев заключения освобожден; это была мера

⁸ Цит. по: Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 79.

⁹ Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 194.

¹⁰ Мельгунов С.П. О В.А. Маклакове // Возрождение. 1951. № 15. С. 157.

¹¹ См. подробнее: Будницкий О.В. Послы несуществующей страны // Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 86–92.

воздействия на «упрямца», не желавшего сдать свои полномочия нацистским ставленникам среди русских эмигрантов. Он был вынужден уехать на некоторое время из Парижа. Маклаков пытался найти пути примирения с советской властью, ошибочно считая, что она «переродилась» в годы войны, стала «национальной». По приглашению советского посла посетил во главе группы эмигрантов его резиденцию в Париже 12 февраля 1945 г. Визит Маклакова и его группы в советское посольство был впоследствии признан им ошибкой. Уже в мае 1945 г. он опубликовал статью «Советская власть и эмиграция» (Рус. новости. 1945. 25 мая), в которой выставил свое традиционное и основополагающее требование: соблюдение прав человека, без которого невозможно никакое сближение с правящим в СССР режимом. После этого «роман» с обеих сторон кончился.

Маклаков после войны, несмотря на возраст, продолжал служить интересам российских изгнанников, до конца дней ходил в «присутствие». Умер 15 июля 1957 г. в Бадене близ Цюриха (Швейцария), куда поехал лечиться ваннами.

* * *

Одной из главных тем эмигрантской печати в 1920-е гг. был вопрос о причинах русской революции. Искали виноватых. Редко кто решался посмотреть критически на собственные действия. Либералы видели причину российской катастрофы в неумной политике правительства и эгоизме правых; социалисты — в коварстве большевистских заговорщиков; правые винили либералов, бездумно раскачивавших государство и дискредитировавших своей болтовней «историческую власть», которая одна только и могла сдержать разрушительные силы, таившиеся в народе.

Идеей фикс Маклакова в годы эмиграции было уяснить — для себя и для истории, как и почему с Россией случилось то, что случилось? Где и когда она свернула на путь, ведущий к катастрофе? И, разумеется, кто виноват в том, что произошло?

Об этом большинство его публикаций эмигрантского периода. Сначала он стал «просвещать» в этом отношении французскую публику, напечатав в 1924 г. серию статей «Россия с 1900 по 1917 г.» в журнале «Revue de Paris»¹². Однако первый по-настоящему серьезный подход к теме он предпринял 10 лет спустя после революции, в обширном предисловии на французском языке (которым Маклаков владел блестяще) к публикации извлечений из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию преступлений деятелей прежнего режима¹³. Уже эта публикация выз-

¹² Статьи Маклакова «Vers la Revolution / La Russie de 1900 à 1917» опубликованы в журнале «Revue de Paris» в номерах от 1 октября (с. 508–534), 15 ноября (с. 271–291) и 1 декабря (с. 609–631) 1924 г.

¹³ La chute du régime tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la cour impériale russe par la Commission du Gouvernement Provisoire de 1917 / Préface de B. Maklakoff. Paris: Payot, 1927.

вала бурную и противоречивую реакцию на страницах эмигрантской печати. Среди критиков слева выделялся голос Марка Вишняка¹⁴.

Два года спустя Вишняку снова пришлось взяться за перо, с тем чтобы атаковать воззрения Маклакова на историю недавнего прошлого. Парадокс, однако, заключался в том, что критическая статья Вишняка о мемуарах Маклакова была напечатана в том же самом номере СЗ, что и начало маклаковских мемуаров.

Появление воспоминаний Маклакова на страницах СЗ было отчасти делом случая, отчасти — явлением вполне закономерным.

К этому времени он был уже, можно сказать, постоянным автором СЗ. С одним из редакторов, И.И. Бунаковым-Фондаминским, Маклаков постоянно общался «по масонской линии»; к тому же они регулярно встречались в доме Эжена (Евгения Юльевича) Пети. Среди других завсегдатаев были М.А. Алданов, А.Ф. Керенский, бывали И.А. Бунин, А.И. Гучков и некоторые другие. Фондаминский имел возможность слушать рассказы Маклакова, приводившие в восхищение многих современников.

Неудивительно, что он стремился привлечь много знающего, много видевшего и умевшего отлично изложить материал Маклакова к сотрудничеству в журнале. Фондаминский писал Вишняку и Рудневу в мае 1926 г. о Маклакове: «Говорили ли вы с ним? Если нет, поговорите и налягте — это будет очень интересно, о чем бы он ни написал»¹⁵. «С Маклаковым беседовал и пристаю к нему при каждом свидании», — отозвался на призыв Фондаминского Вишняк. Однако он довольно скептически отнесся к способности бывшего посла производить тексты: «Маклаков если и даст, то не скоро: он слишком ленив, чтобы писать»¹⁶.

Вишняк был прав в том, что Маклаков не писал тексты, предназначенные для печати: он их диктовал. Это объяснялось вовсе не ленью — его почерк был совершенно неразборчив и с годами становился все хуже. Следует иметь в виду, что практически все опубликованные тексты Маклакова — диктовки и позволяют отчасти понять особенности его ораторского мастерства. Однако Вишняк ошибся в другом — публикация маклаковского текста в СЗ появилась достаточно быстро.

Не прошло и двух недель после цитированного выше скептического замечания Вишняка, как он получил от Маклакова «гнусное предложение»:

Вы от меня просили статьи мемуарного характера. Не желаете ли вместо этого другое: я здесь читал доклад по поводу Пушкина, содержания довольно неопределенного, но на темы, к<о>т<орые> всегда интересны. Я *пока* еще могу его воспроизвести. Хотите? Если Вы на определенно<й> политической сторо-

¹⁴ См.: Вишняк М.В. Русский либерализм и революция в освещении В.А. Маклакова // Дни. 1927. 10 нояб.; *Он же*. Революция и законы // Дни. 1927. 9 дек.; Зайцев К. Хрестоматия русского позора // Россия. 1927. 8 окт.; Изгоев А. О виновных // Россия. 1928. 24 марта.

¹⁵ Фондаминский — Вишняку и Рудневу, 4 мая 1926 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26).

¹⁶ Вишняк — Фондаминскому, 1 июня 1926 г. (Там же).

не, то некот<орые> разногласия, к<о>т<орые> у Вас могут оказаться со мной, этому не помешают, тем более что определенно политического содержания в докладе не было¹⁷.

Речь шла о лекции Маклакова «Русская культура и Пушкин», прочитанной 6 июня 1926 г. в Сорбонне в День русской культуры. День русской культуры отмечался в день рождения А.С. Пушкина. Содержание доклада было, конечно, вполне определенным — речь шла о свободе, о личности и государстве, о том, что государство может, а что нет. Не могло оно, к примеру, создать Пушкина. Это была не только «историософия» — это была политика, но, конечно, политика в «высоком» смысле этого слова, далекая от эмигрантских споров.

Пушкинская речь стала первой публикацией Маклакова в СЗ. Затем последовали воспоминания об убийстве Распутина и две статьи о Толстом. Заметим, однако, что в каждом случае тексты писались как бы «к случаю». «Некоторые дополнения...» явились реакцией на воспоминания кн. Ф. Юсупова, затрагивавшего среди прочего и роль Маклакова в этом мрачном деле. Статьи о Толстом вышли к 100-летию со дня рождения писателя и вскоре были выпущены в издательстве «Современные записки» отдельной брошюрой¹⁸.

Однако же собственные воспоминания Маклакова были публикацией совсем иного порядка — не только (и не столько) по объему, сколько по масштабам затронутых в них проблем и их явным идейным несовпадениям с воззрениями на русское прошлое, которых придерживались редакторы СЗ.

По словам Маклакова, «соблазнил» его «изложить свое понимание нашего (к.-д.) партийного прошлого» И.И. Бунаков-Фондаминский. Это было действительно так. Фондаминский писал Вишняку 10 августа 1928 г.:

Сговорились с Маклаковым о «воспоминаниях». Тема — 1905–1917 год. Обещал писать *sine ira et studio*¹⁹: Столыпина восхвалять не собирается, Керенского и Милюкова ругать не будет. Первая вводная глава будет к 15 окт<ября> (обязательно). Дальше *из книжки в книжку* — на год наверно²⁰.

Вряд ли кто-нибудь мог предвидеть, что вместо одного года публикация воспоминаний Маклакова растянется почти на восемь лет и станет едва ли не самым объемистым текстом, напечатанным на страницах журнала²¹.

Маклаков изначально предполагал, что текст, который он напишет, не вызовет восторга у «заказчиков». Своему другу Б.А. Бахметеву он писал:

¹⁷ Маклаков — Вишняку, 12 июня 1926 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77).

¹⁸ Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова // СЗ. 1928. № 34. С. 260–281; *Он же*. Лев Толстой: (Учение и жизнь) // СЗ. 1928. № 36. С. 220–263; *Он же*. Толстой как мировое явление (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого) // СЗ. 1929. № 38. С. 224–245; *Он же*. О Льве Толстом: Две речи. Париж: Совр. записки, 1929.

¹⁹ Без гнева и пристрастия (*лат.*).

²⁰ Фондаминский — Вишняку, 10 августа 1928 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26).

²¹ Маклаковские воспоминания уступили по объему лишь «Путям России» И.И. Бунакова-Фондаминского.

Я нахожусь на краю того, чтобы сделать еще более глубокий экскурс в то же наше прошлое, — ко мне обратились с просьбой писать периодические и регулярные воспоминания, и я после некоторого колебания согласился; не знаю, дойду ли до конца, но попробую. Писать буду исключительно для русских, по-русски, но зато с полной откровенностью. Эти воспоминания поневоле выйдут тем, что большевики называют «самокритикой», т.е. обвинительным актом против того течения, к которому я сам себя причисляю, т.е. либерального; многие, конечно, будут недовольны; но что еще хуже, будут довольны те, кого я вовсе радовать не собираюсь, но с этим уже ничего не поделаешь; лгать и подлаживаться в этот момент просто не стоит²².

Если Маклаков предполагал — и с полным основанием, — что его воспоминания придутся не по вкусу многим деятелям либерального лагеря, то что же говорить о «вкусе» эсеров! В самом деле, предисловие к воспоминаниям Маклакова привело Вишняка и Руднева если не в ужас, то в некоторую оторопь. Вишняк предложил Маклакову сделать предисловие... послесловием. На что получил жесткий ответ:

...обдумав Ваше предложение, я прихожу к несомненному выводу, что превратить вступление в эпилог совершенно невозможно; мне трудно даже верится, что Вы мне это предложили серьезно; я склонен усмотреть в этом просто замаскированный и вежливый отказ поместить предисловие и просьбу писать мои «Воспоминания» без всякого предисловия. Все это я хорошо понимаю; но начать сейчас писать «Воспоминания» без уверенности, что они будут помещены, с перспективой, что по каким-либо соображениям, которые я не стану оспаривать, такая же судьба может постигнуть и самые «Воспоминания», я не хочу. Потому лучше и кончим все это предприятие в самом начале²³.

Однако пойти на это Вишняк не мог. Это означало не только разрыв с Маклаковым, неизбежную огласку и очередной скандал в эмигрантском сообществе — таких последствий Вишняк, при его бойцовском характере, не боялся. Отказ от публикации маклаковских воспоминаний неизбежно вел к разрыву с Фондаминским, уговорившим Маклакова воспоминания написать и считавшим публикацию их в журнале вопросом чести.

В результате историософское введение к воспоминаниям Маклакова в журнале все-таки появилось — но с оговоркой от редакции и в «сопровождении» обширной статьи Вишняка «О русской революции — кануны и свершения». В примечании от редакции говорилось:

Приступая к печатанию воспоминаний В.А. Маклакова, редакция, естественно, не принимает на себя ответственности за те заключения философско-ис-

²² Маклаков — Бахметеву, 12 сентября 1928 г.

²³ Маклаков — Вишняку, 10 ноября 1928 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 77).

торического и политического порядка, которые автор делает попутно. Эта оговорка особенно относится к печатаемому в настоящей книжке журнала первому, вводному по своему характеру очерку В.А. Маклакова²⁴.

Статья Вишняка была напечатана сразу после маклаковского «вступления» и немногим уступала ему по объему — текст Маклакова занимал 39 журнальных страниц, Вишняка — 37. Вишняк подверг тотальной критике положения, сформулированные Маклаковым. Не вдаваясь в подробный анализ статьи Вишняка, приведем его выводы.

Начатые печатанием в настоящей книге воспоминания В.А. Маклакова — автор называет их не «простыми мемуарами» и в то же время не «историческим исследованием» — посвящены едва ли не наиболее волнующему вопросу современности — истокам русской революции, причинам, предопределившим, по убеждению автора, ее срыв, —

писал Вишняк в начале статьи и сразу же заявлял, что редакторы СЗ

весьма далеки от тех выводов и заключений, к которым В.А. Маклаков приходит. Больше того — позволяем себе утверждать, что поставленное себе задание автор отчасти не выполнил, отчасти, как будет видно из дальнейшего, — и не мог выполнить... Позволительно говорить о выводах и заключениях, хотя воспоминания В.А. Маклакова только начинаются печатанием, потому что автор своему описанию «некоторых моментов из прошлого, которые при виде того, что теперь происходит, приходят на память» счел нужным предпослать особое Предисловие с изложением своей общей «точки зрения, с которой он смотрит на наше прошлое».

Вот эта-то общая и исходная точка зрения, которая нам представляется итогом пережитого опыта, среды, симпатии и т.д. и содержит выводы и заключения, для нас не только неприемлемые, но и требующие специальных оговорок, возражений и размежевания²⁵.

Далее следовал скрупулезный разбор воззрений правого кадета с позиций правого эсера.

Наше коренное расхождение с Маклаковым, — заключал Вишняк, — в том, что для него Февраль неприемлем и ненавистен не столько даже за то, что он оказался предтечей Октября, а сам по себе, за то, что он был революцией, за то, что 3 марта порвалось преемство государственной власти. Для нас Февраль благо, потому что, каковы бы ни были его политические последствия, исторически именно тогда свершилось «великое и священное», как выразился

²⁴ СЗ. 1929. № 38. С. 276.

²⁵ Вишняк М.В. О русской революции — кануны и свершения // СЗ. 1929. № 38. С. 315–316.

В.Д. Набоков, — народ сбросил вековые цепи самодержавия. Плохо и невыразимо горестно, что порванные цепи уже через 8 месяцев были сменены еще на более мучительные. Это, конечно, омрачает радость воспоминаний, но не устраняет ни права, ни долга чтить светлый день в нашем мрачном прошлом, неотменимый день падения самодержавия²⁶.

Для Маклакова, в отличие от Вишняка и его товарищей, Октябрь был логическим продолжением Февраля, ибо народ был слишком неразвит, чтобы «устоять против демагогии, льстецов и лжецов», как он однажды написал Бахметеву²⁷, а русские либералы, оказавшиеся у власти, были совершенно не готовы управлять страной.

Маклаков не всегда ищет ошибки там, где их надо искать, и потому часто мнимые ошибки выдает за действительные; если, нарушая историческую перспективу, он слишком отвлекается от единственно-данной обстановки 17 года и переносит в нее свой позднейший опыт и настроения, — завершал свою статью Вишняк, — мы склонны и это в значительной мере объяснить тем, что <...> не может быть человек своим собственным историком, историком того времени, в котором он живет, творит и разрушает.

Не дано было стать историком своего времени и В.А. Маклакову. Не мог он дать истории современной ему революции, в частности, и потому, что хочет того сейчас Маклаков или не хочет, но и он вложил в русскую революцию²⁸.

Последнее было бесспорно. Однако же других историков революции, кроме ее участников, просто не было. Лидер партии кадетов и один из главных деятелей Февральской революции П.Н. Милюков начал писать «Историю второй русской революции» уже в 1919 г. Собственно, с ним-то прежде всего и полемизировал Маклаков. Если взгляды Маклакова коренным образом расходились с воззрениями бывшего лидера партии русских либералов, то что уж говорить об эсерах!

Появление маклаковских размышлений на страницах эсеровского журнала, подчеркнем еще раз, было явлением удивительным. Ведь надпартийным журнал был все-таки преимущественно по эстетической, нежели по политической части. «Виновником» был, как мы уже знаем, Фондаминский. Ему-то и предъявил претензии Вишняк, с которым был солидарен Руднев.

Приняв как неизбежное публикацию маклаковского «Предисловия» в первой книге журнала за 1929 г., Вишняк был взбешен продолжением философствований Маклакова, так же как и содержанием ряда других статей, планировавшихся к публикации в следующем номере. Он отправил Фондаминскому настоящий «обвинительный акт»:

²⁶ Вишняк М.В. О русской революции... С. 349.

²⁷ Маклаков — Бахметеву, 30 августа 1921 г. (Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 1. С. 458).

²⁸ Вишняк М.В. О русской революции... С. 350–351.

...если «вред» Маклакова хоть частично искупается моей статьей и обещанием Редакции, что этот вред случаен и преходящ — только «Предисловие»; то следующая книга сплошной вызов и скандал. Все, что ты считаешь «гвоздями» журнала — Флоровский, Федотов, Маклаков и Степун... — все рвет и ранит, как подлинный гвоздь...

И тут мирозерцательная метафизика перемешивается с «метафизикой» политической. Ибо не случайно ты так упорно отстаиваешь Маклакова... Если идти в таком направлении, что «С<овременные> з<аписки>» за бесталанностью редакторов должны стать сборищем талантов, независимо от того, *что* они талантливо защищают и проповедуют, очевидно, общественно-политический характер журнала испарится окончательно. <...>

Я мог бы не «разоряться» особенно по поводу Маклакова. Здесь Вадим непримиримее меня настроен. Но все же скажу. Я ни в чем тебя не обвиняю и не заподозриваю. Я только напоминаю, что на принятие непереносной для меня статьи мракобеса Флоровского я был вынужден тем, что ты оказался связан перед ним словом до того, как я, в качестве члена редакции, на это согласился... Только теперь я узнал, что Флоровский вместо условленных в качестве максимума 2¼ листа осчастливил «С<овременные> з<аписки>», и меня в том числе, 3½ л., которые по необходимости приходится глотать в два приема, в двух книжках. Нечто аналогичное происходит и с Маклаковым. Ты знаешь, с каким трудом проходила и первая его статья. Ее приняли, давась и проклиная, в качестве исключения. <...> Почему будет, по-твоему, «придиркой» сказать, <что> мы не можем без конца печатать неприемлемую для нас публицистику <Вашу>, а не *воспоминания*, о которых мы с Вами договаривались и которые анонсированы. Мы готовы не быть мелочными и не вызывать конфликта из-за того, что Вы дали не одно Предисловие, а *два*. Но пусть второе будет и последним! <...> Что тут обидного? Наконец, если будет все-таки конфликт — тоже не трагедия. Ведь надо же признать, что Маклаков был прав, когда предупреждал и меня, и тебя — вы покупаете kota в мешке... И кот оказался паршивый и блудливый...²⁹

Маклаков вполне сознавал, что пишет не воспоминания, точнее, не вполне воспоминания. Он писал Бахметеву в связи с началом публикации своего текста в СЗ:

Я знаю, что Вы коренным образом со мной разойдетесь во взглядах по поводу моих «Воспоминаний». Там будут только больше развиты и специально для русской публики те же основные взгляды, которые Вы имели в моем Предисловии³⁰. Если можно было бы их выразить в одной формуле, то я бы сказал, что там заключается пересмотр либеральной идеологии и деятельности, сделанный на основании пережитого нами опыта. Менее всего мои очерки заслуживают название «Воспоминаний», поскольку в этом слове предполагается всегда эле-

²⁹ Вишняк — Фондаминскому, 17 марта 1929 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26).

³⁰ Имеется в виду предисловие к французскому изданию извлечений из протоколов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (см. примеч. 13).

мент личный. О своей деятельности и своих позициях я не стану говорить, ибо не хочу ни приносить покаяния, ни себя превозносить; я считаю, что все, что случилось, до такой степени закономерно и неизбежно, так логически вытекает из всей русской истории, что какие бы то ни были осуждения просто нелепы. Но, с другой стороны, я не могу переварить и то, что мы после всего происшедшего занимаемся самовосхвалением и уверяем, что вся беда произошла оттого, что нас не послушались³¹.

О том же Маклаков писал В.В. Шульгину: «В “Современных записках” начались печататься мои “Воспоминания”, хотя я сам их так не называл и по содержанию они такому титулу не соответствуют»³².

Фондаминский не прислушался к призывам Вишняка как-то «окоротить» Маклакова:

Очень прошу тебя не поднимать вопроса о Маклакове. Ты хорошо знаешь, что я взял обязательство вторично перед ним – всякие разговоры с ним о статье ставят меня в недостойное положение. Разумеется, если в статье имеются какие-нибудь обидные выражения, их надо выкинуть, но я уверен, что их нет³³.

Десять дней спустя Фондаминский был вынужден вновь вернуться к вопросу о Маклакове:

...пишу еще раз о Маклакове – хочу верить, что последний. Переговоры с Маклаковым вел я, так что я хорошо знаю, какие обязательства взяла на себя редакция. Редакция – в моем лице – взяла на себя обязательство напечатать не одну статью, а целый ряд статей, который может тянуться года два. Статьи эти воспоминательного характера из эпохи 1905–1917, начинаются статьей (при 1-х переговорах) или двумя статьями (при втором разговоре) обобщающего характера. В статьях не должно быть личной полемики с Милюковым, нападок на Керенского и восхваления Столыпина – других оговорок не было. Политические воззрения Маклакова считались точно известными. Единственно, что можно указать – при вторичных разговорах Маклаков говорил, что предполагает еще одну статью общего характера, теперь же речь идет о двух. Но указание на это было бы неосновательной придиркой, ибо я нисколько не настаивал, чтобы была только еще одна вводная статья, а на его указание сказал, что ты знаешь об этом (с твоих слов) и не возражаешь. Таким образом, редакция в моем лице взяла на себя обязательство печатать эту и следующие статьи и может снять с себя это обязательство только одним способом: указав, что я действовал не от имени редакции или превысил свои полномочия.

Должна ли поступить так редакция и действительно ли я превысил свои полномочия, я обсуждать не хочу – сама возможность постановки таких вопро-

³¹ Маклаков – Бахметеву, 8 марта 1929 г. (Бахметев – Маклаков. Переписка. Т. 3. С. 426).

³² Маклаков – Шульгину, 22 марта 1929 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 13. F. 14).

³³ Фондаминский – Вишняку, 11 марта 1929 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26).

сов не нормальна. По *существу* же я думаю, что вопрос не стоит обострения — большого значения не имеет, будет ли еще одна или две статьи «введения» — ведь и сами воспоминания вряд ли будут нас *политически* радовать. Если мы их печатаем, то не из политических, а из *журнальных* соображений (если выкинуть из 38-й кн. статьи М<аклакова>, книжка окончательно завянет)³⁴.

Последнее соображение было не лишено оснований. Бахметев из далекой Америки писал Маклакову, интересовавшемуся, получает ли тот СЗ:

«Современные записки» получаю регулярно; читают их больше мои сестры, так как, по-моему, за исключением отдельных статей, среди которых на первом месте, конечно, Ваши, журнал этот чрезвычайно скучен. Я и в России не любил чрезвычайно «Русского богатства», а парижское продолжение почтенного журнала совсем уже словами Вольтера *genre ennuyeux* <скучный жанр (*фр.*)>³⁵.

В этом замечании, даже если делать большую скидку на приятельские отношения Бахметева и Маклакова, так же как в соображениях Фондаминского, было рациональное зерно. Не считая беллетристики, напечатанные в 38-й книге СЗ статьи В. Зеньковского «Система культурного дуализма», П. Бицилли «Нация и государство», Б. Бруцкуса «Народное хозяйство Сов. России, его природа и его судьбы» вряд ли могли вызвать у обычного читателя что-либо, кроме зевоты. Разумеется, речь не идет о специалистах, но ведь таковых среди читателей журнала было не так уж много. На этом фоне «историософия» Маклакова выглядела занимательным чтением, тем более что бывший адвокат умел излагать свои мысли ясным и доступным языком.

Тем не менее Вишняк не оставлял попыток переубедить Фондаминского:

Ты напрасно переводишь в *моральную* плоскость спор чисто юридического порядка. <...> Твое утверждение, что «кот в мешке» был «профессиональным риском», неубедительно, потому что риск наш заключался в *качестве* того, о чем мы договаривались с М<аклаковым>, а не в *подмене* одного товара другим. Если бы твоему отцу вместо партии «бриллиантов в сыром виде» подсунули бы гвозди или бульжники, да еще как раз того же сорта, о котором у него накануне шли долгие и мучительные препирательства с продавцем, я не сомневаюсь, что он отказался бы от товара и от сделки.

...я считаю необходимым сказать Маклакову *всю* правду и сказать ее *сейчас*, а не после того, как он напишет и третью статью, и положение еще осложнится: мы снова окажемся перед «фэ аккомпли» <fait accompli — осуществившийся факт (*фр.*)> и твоими доводами от «морали», что ты не оговорил, человек работал, и мы потому обязаны либо тебя дезавуировать, либо всякую гнусность глотать, — если она не явный «бред»...³⁶

³⁴ Фондаминский — Вишняку, 21 марта 1921 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26).

³⁵ Бахметев — Маклакову, 19 апреля 1929 г. (Бахметев — Маклаков. Переписка. Т. 3. С. 430).

³⁶ Вишняк — Фондаминскому, 11 апреля 1929 г. (Lilly Library. Vishniak papers. F. 26).

Любопытно, что сам Маклаков сомневался в том, удастся ли ему «удержаться» в СЗ.

...То, что может произойти и вероятно произойдет, это что в известный момент «Современные записки», которые, несмотря на свою терпимость, все же редактируются четырьмя социалистами-революционерами, откажутся дальше печатать мои «Воспоминания», —

писал он Шульгину вскоре после выхода в свет 38-й книги журнала³⁷. Это было несложно предположить: издатель «Возрождения» А.О. Гукасов, еще не видя начала маклаковских воспоминаний, а лишь прочитав объявление об их публикации, предложил ему печататься у него. Когда же Маклаков дал ему корректуру своей первой «статьи» в СЗ, Гукасов «не без некоторого основания» говорил Маклакову, что либо его «Воспоминания» останутся неоконченными, либо нужно искать другого издателя.

Начало публикации мемуаров Маклакова, этого *enfant terrible* партии кадетов, вызвало, по меньшей мере, недоумение среди его бывших товарищей по партии, да и вообще среди либерально-демократической части русской эмиграции. Многолетняя «конфидентка» Маклакова Е.Д. Кускова увидела в его первой статье цикла «Из прошлого» в СЗ «подарок правым»³⁸. Объясняя мотивы этой публикации, за которую, как предрекал Маклакову «один тонкий читатель», ему было суждено шельмование левых, а может быть, и «правые жирные поцелуи», он признавался:

...я это пишу потому, что в отличие от Вас я не верю, что мы вернемся в Россию и будем там действовать; может быть, и вернемся, может быть, и будем действовать, но на тех второстепенных ролях, которые я не решусь назвать политической деятельностью; наше время уже окончилось, и в смысле политическом я себя считаю умершим. Люди перед смертью не только вспоминают старое, но судят о нем с той ясностью, с которой не судят при жизни. <...> Если бы я не чувствовал себя и нас всех политическими покойниками, я мог бы думать о том <...>, что я рискую доставить удовольствие правым и огорчиться тем, что меня осудят свои; я мог бы бояться, что своими статьями нанесу вред тем идеям, от которых я отрекаться не думаю. Но эти соображения меня уже не смущают. Зато, когда я читаю воспоминания своих единомышленников о прошлом, Милюковские исторические труды, его передовицы, его утверждения, что виноваты только правые или левые, а что мы ошибок не допускали, когда я думаю, что в моем политическом некрологе, по моей принадлежности к партии, будут изложены эти взгляды и на мою могилу положат такие венки, то мне хочется, никого не задирая и не рассуждая, от этих взглядов отмежеваться. Вот и все. <...> Ведь говорить то, что думаешь, поистине единственное реаль-

³⁷ Маклаков — Шульгину, 22 марта 1929 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 13. F. 14).

³⁸ Кускова — Маклакову, 28 марта 1929 г. (Там же. Box 10. F. 1).

ное дело, которое у нас остается. Все остальное — иллюзия. А Ваше предостережение, что мне придется определить свой лагерь, для меня звучит таким же анахронизмом, как предложение выбрать ту должность, которую я мог бы в России занять³⁹.

В 1929 г., когда началась публикация маклаковских мемуаров, ему исполнилось 60 лет. Действительно, пора было подумать об осмыслении своего политического пути. Говоря о том, что он никого не хотел «задирать», Маклаков вольно или невольно лукавил: его анализ кадетского прошлого задевал слишком многих — и в первую очередь лидера партии П.Н. Милюкова, чьи публикации явно раздражали бывшего посла и стимулировали сформулировать свое, отличное от ортодоксально-кадетского, понимание партийного (и не только партийного) прошлого.

Маклаков вполне сознавал неизбежность конфликта со своим бывшим преподавателем по Московскому университету: «Эти “Воспоминания”, по существу, должны меня рассорить с Милюковым», — писал он Шульгину после публикации первой статьи публицистически-мемуарного цикла в СЗ⁴⁰.

Рассмотрим вкратце основные положения концепции Маклакова.

Маклаков декларировал, что «катастрофа России большей всего ударила по либеральному лагерю». С его точки зрения, противники либералов и справа и слева находились «в настоящий момент <...> в несравненно более выгодном положении». Правые могли злорадствовать, поскольку сбылись все их предсказания — либералы у власти оказались лишь предтечами революции; революционеры же превзошли старую власть в деспотизме и жестокости; они были совсем не похожи на тех идеалистов народовластия, которыми их изображали либералы. Революционеры, в отличие от либералов, добились по крайней мере одной из своих целей — разрушения старой России⁴¹.

Критики Маклакова почему-то утверждали, что он возлагал главную ответственность за случившуюся с Россией катастрофу на либералов; это неверно. Говоря о том, что катастрофа более всего *ударила* по либеральному лагерю, он указывал, что суд истории осудит защитников старого режима *более всех остальных*, поскольку «они долгие годы имели в руках власть, никем не оспоренную и ничем не ограниченную»⁴². Однако Маклаков предпочел не критиковать чужие ошибки, а разобраться в своих; ответственность за происшедшую катастрофу Маклаков возлагал также на левых либералов, то есть на собственную партию. Особенно досталось лидеру партии Милюкову и некоторым другим «доктринерам»; им вменялось в вину стремление использовать в своих целях революционное движение; не снимал Маклаков ответственности и с себя. В его изображении, в особенности в книге о II Думе, П.А. Столыпин нередко выглядел бóльшим конституционалистом и либералом, нежели товарищи Маклакова по партии.

³⁹ Маклаков — Кусковой, 4 апреля 1929 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 10. F. 1).

⁴⁰ Маклаков — Шульгину, 22 марта 1929 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 13. F. 14).

⁴¹ Маклаков В.А. Из прошлого // СЗ. 1929. № 38. С. 279–281.

⁴² Там же. С. 279.

Суть обвинений Маклакова в отношении политики кадетов в 1905–1907 гг. М.М. Карпович в своей известной статье свел к шести основным пунктам:

1) максимализм программных требований партии, в особенности созыв Учредительного собрания, что не могло быть осуществлено без полной капитуляции царского правительства;

2) бескомпромиссное отношение партии к Витте и Столыпину, которые — по Маклакову — могли и должны были быть использованы как союзники, а не отброшены как враги;

3) безоговорочное отрицание лидерами партии самой идеи участия кадетов в правительствах Витте и Столыпина;

4) тенденция партии использовать Государственную думу не для конструктивной законодательной работы, а как трибуну противоправительственной агитации;

5) догматические требования немедленного пересмотра Основных законов, имея в виду всеобщее избирательное право, ограничение компетенции Государственного совета и ответственности министров;

6) наконец, опубликование Выборгского воззвания было мерою явно революционного характера, так как и роспуск Государственной думы, и назначение новых выборов не противоречили конституции⁴³.

Статьи и книги Маклакова, в которых тотальной критике подвергся радикализм тактики русских либералов, подверглись столь же тотальной критике со стороны Милюкова, откликнувшегося на маклаковские публикации на страницах ПН и тех же СЗ⁴⁴. Милюков в свою очередь обвинил Маклакова в доктринерстве; его схема представлялась лидеру кадетов умозрительной и не учитывающей конкретно-исторических обстоятельств. Политика — это искусство возможного; договориться с конкретными царскими министрами не смогли не только кадеты, но и гораздо более умеренные граф П.А. Гейден и Д.Н. Шипов; войти *тогда* в правительство означало политическую смерть. Подробно были разобраны и отвергнуты и другие обвинения Маклакова.

Большинство читателей — и последующих историков, — по-видимому, склонялось на сторону Милюкова. Как и Вишняк, Милюков обвинял Маклакова в чрезмерно правовом подходе к политике. Милюков считал своего оппонента «адвокатом» и в политике; адвокату свойственно видеть правду и другой стороны; политику это противопоказано — он должен быть убежден или, по крайней мере, должен убеждать других только в своей правоте. Вишняк подчерки-

⁴³ См.: *Карпович М.М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // НЖ. 1960. № 60. С. 273.

⁴⁴ См.: [*Милюков П.Н.*] Кающийся кадет // ПН. 1929. 22 марта; *Милюков П.Н.* Политика в «Совр. записках» // ПН. 1929. 4 апреля; *Он же.* Политика в «Совр. записках» // ПН. 1930. 8 июля. № 3394; 10 июля. № 3396; *Он же.* Публицистика в «Совр. записках» (т. XLV–XLVI) // ПН. 1931. 16 июля. № 3767; *Он же.* «Совр. записки», кн. 56-я. Отдел политический // ПН. 1934. 22 ноября. № 4991; *Он же.* Русские «либералы» и заем 1906 г. // ПН. 1936. 5 марта; *Он же.* В.А. Маклаков между «общественностью» и властью // ПН. 1937. 28 и 30 мая; *Он же.* В.А. Маклаков о книге проф. Пёрса // ПН. 1939. 16 июля; *Он же.* Суд над кадетским «либерализмом» // СЗ. 1930. № 41. С. 347–371; *Он же.* Либерализм, радикализм и революция // СЗ. 1935. № 57. С. 285–315; см. также воспоминания Милюкова, печатавшиеся под названием «Роковые годы» в РЗ (1938–1939. № 4–20/21).

вал, что для Маклакова «оказалось абсолютом не право вообще, а очень ограниченная и узкая его ветвь — писанный закон царского времени»⁴⁵.

С критиками Маклакова можно во многом согласиться, однако «праота» той или иной стороны зависела в конечном счете от точки зрения на революцию. Для Маклакова она абсолютное зло; Милоков, конечно, относился к революции отрицательно, но допускал, что ее можно использовать; Вишняк же был хотя и правым, но социалистом-революционером. То же самое относится к праву; изменять правовые нормы необходимо правовым путем, утверждал Маклаков; на этом зиждилось его неприятие Февраля, разорвавшего правовую преемственность с прежней государственностью. Для него, юриста, казалось очевидным, что даже провинциальные судьи, создававшие своими решениями те или иные прецеденты, постепенно изменяли правосознание общества, изменяли правовое поле в рамках существующей государственности.

В личных письмах Маклаков был гораздо откровеннее и раскованнее, иногда — справедливее. В письме к М.М. Винаверу, характеризуя взаимоотношения власти и I-й Думы, воспетой его корреспондентом и столь жестоко раскритикованной впоследствии им самим, Маклаков писал:

Неразумная линия прогрессивного общества находила свое и объяснение и оправдание в неискренней политике власти. Обе стороны были неправы. Правительство неправо, когда во всем винит доктринерство и неуступчивость кадетов; это неправда, но будут неправы и кадеты, если они всю вину переложат на власть. Виноват на самом деле тот ров, который к этому времени уже был между властью и страной, то недоверие друг к другу, отсутствие общего языка, которое мешало совместным действиям⁴⁶.

Примечательно, что Маклаков критиковал либералов, но почти не затрагивал революционеров, упоминая о них лишь мимоходом, как о «фоне», на котором происходили события. Думаю, что постоянный зоил Маклакова Вишняк правильно уловил причину этого, когда позднее в письме меньшевику Б.И. Николаевскому от 10 августа 1945 г. писал, что Маклаков

никогда не был внутренне и политически нам близок. Когда он в течение десятилетий сражался с Милоковым и в левых кадетях видел главную беду России, — нас он расценивал как такую накипь и зло, которые «ниже ватерлинии», о которых и говорить не стоит, — или безумцы или преступники.

Именно потому, что он так расценивал «революционную демократию», Маклаков, по мнению Вишняка, столь отрицательно отнесся к режиму Временного правительства, который все-таки был единственным периодом «во всей

⁴⁵ Вишняк М.В. «Современные записки». С. 196.

⁴⁶ Маклаков — Винаверу, 5 февраля 1924 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 15. F. 2).

русской истории, когда было некое подобие того, что в *идее* защищает “подлинный” либерал Маклаков»⁴⁷.

Вишняк был, безусловно, прав — Маклаков совершенно не верил в возможность реализации либеральной идеи в России 1917 г., ибо Временное правительство пыталось «внедрять» демократию, будто не замечая, что имеет дело не со свободными людьми, сделавшими свободный выбор, а с «взбунтовавшимися рабами». Именно Маклаков подсказал Керенскому высказывание К.С. Аксакова о «взбунтовавшихся рабах» для одной из его громовых речей 1917 г. «Рабы» были не виноваты в своей темноте; виноваты были те, кто эту темноту не замечал; что же было говорить о других, эту темноту сознательно стремившихся использовать? Особенностью Маклакова как политика было то, что он, если идея вступала в противоречие с жизнью, предпочитал соотносить свои действия с реальностью.

Расхождения Маклакова и Милюкова в оценке конкретных событий определялись в конечном счете различным пониманием сущности либерализма, так же как сущности революции. Для Маклакова суть либерализма не только в программе, но и в тактике, принципиально отвергающей насильственное изменение существующего строя; законность для него действительно была абсолютом. Милюков, в общем, довольно точно воспроизводил концепцию Маклакова, когда в своей «антикритике» писал, что для его оппонента либералы от революционеров отличаются тем, что

считают необходимым идти к своему идеалу не путем насильственных катастроф и скачков, не разрушением старого, а естественным его развитием и улучшением, словом, тем, что носит название «эволюции». Эта весьма приближительная характеристика связана <...> с определением революции. Не останавливаясь на содержании либеральных идеалов, она переносит главное ударение с программы на тактику. Эта перестановка делается сознательно⁴⁸.

В этом Милюков тоже был прав. Маклаков, конечно, сознательно выдвигал тактику «перед программой». Точнее, он не считал возможным отделять одно от другого; тактические уступки революционерам, использование их методов борьбы приводили (и привели!) в конечном счете не только к фактическому отдалению от либеральных идеалов, но и к крушению России. Милюков же и после опыта 1917 г. полагал, что «революционером может стать при известных обстоятельствах и либерал, как “эволюционистом” может сделаться и социалист». Он указывал Маклакову на ошибочность отождествления закона с правом и на разные источники происхождения права, в том числе на возможность «революционного творчества права». Милюков указывал своему бывшему студенту, что огульное отрицание революционных методов достижения либеральных идеалов характерно

⁴⁷ Hoover Institution. Nicolaevsky collection. Box 506. F. 35.

⁴⁸ Милюков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом» // СЗ. 1930. № 41. С. 355–356.

для *старого* либерализма: термин, который в Европе, после достижения первоначальной либеральной программы, осуществленной во всех цивилизованных государствах, давно потерял свой первоначальный смысл. Либерализм там приобрел охранительный характер⁴⁹.

По мере публикации воспоминаний Маклакова степень резкости оценок Милокова возрастала. Реагируя на еще не завершенные публикацией мемуары, он писал, что «три четверти воспоминаний Маклакова посвящены уничтожению <...> «освободительного движения»»⁵⁰, а рецензируя книгу Маклакова «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936), в основе которой лежали тексты, опубликованные в СЗ, пришел к выводу, что бывший член партии кадетов борется с идеями либерализма и, по-видимому, перешел в стан его идейных противников⁵¹.

Это было неверно. В письме своему коллеге по адвокатскому цеху О.О. Грузенбергу, критически отозвавшемуся о начале мемуаров Маклакова, тот подчеркивал, что до сих пор считает, «что спасение России было в осуществлении либеральных пожеланий, а не в сохранении правых», но «именно поэтому, — настаивал Маклаков, — я и ставил вопрос об ошибках этого либерализма». Соглашаясь со своим корреспондентом, что Пуришкевич и К°, не говоря уже о революционерах, больше виноваты в революции, нежели либералы, Маклаков писал, что

вина одних не исключает вину других. Я определенно говорил в своей статье, что решительно все виноваты, хотя разной виной. Но потому-то все винят только других, а не себя, правые сейчас торжествуют, указывая на то, к чему привела победа либералов. Революционеры винят и сопротивлявшуюся им буржуазию, и большевиков. <...> Если виноват один, считает, что все остальные правы. Мы, либералы, все время обвиняли и правых и левых. Пора нам признать и свои ошибки⁵².

Проблему «ошибок» и пытался решить Маклаков в своих книгах и статьях.

Маклаков, по нашему мнению, вполне отдавал себе отчет в теоретичности своих рассуждений; дело было не только в том, что историю не переделаешь; Маклаков, тонкий знаток человеческой психологии, понимал, что, даже если бы многие участники политического действия начала века могли предвидеть будущее, они все равно вели бы себя «не по правилам». Кроме логики, в деятельности политических лидеров огромную роль играют самолюбие, самоуверенность, эмоции. Ведь он сам вел себя нередко совсем не так, как подска-

⁴⁹ Милоков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом» // СЗ. 1930. № 41. С. 356.

⁵⁰ Милоков П.Н. Либерализм, радикализм и революция // СЗ. 1935. № 57. С. 291. Отметим еще раз пикантность ситуации, когда разгромная рецензия на воспоминания Маклакова публиковалась в том же журнале, где эти воспоминания печатались! Нечастый случай в журнальной практике. Редакция как будто «отмывалась» от публикации «греховного» маклаковского текста.

⁵¹ См.: Милоков П.Н. В.А. Маклаков между общественностью и властью // ПН. 1937. 28 и 30 мая.

⁵² Маклаков — Грузенбергу, 31 мая 1929 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 8. F. 2).

звали ему разум и жизненный опыт. Милуков свидетельствовал, что Маклаков занимал в партии особую позицию, был всегда при особом мнении. Но дальше особого мнения дело не шло; Милуков утверждал впоследствии, что пересмотр Маклаковым кадетского прошлого был вызван едва ли не стремлением взять задним числом реванш за неудовлетворенные амбиции, продемонстрировать собственное интеллектуальное превосходство над тогдашними партийными лидерами. Едва ли это так; Маклаков достаточно строг к себе; если он понимал многие вещи по-иному, чем партийные лидеры, у него не хватило то ли воли, то ли внутренней убежденности, чтобы повести часть партии за собой или просто выйти из нее. В этом, кстати, его впоследствии упрекали некоторые современники, полагавшие, что ему по плечу была роль лидера. Так или иначе, его «суд над кадетским либерализмом» был и судом над самим собой.

Смысл своих воспоминаний-размышлений Маклаков видел не только в том, что «последние живые свидетели» должны оставить материал для историка. «Для воспоминаний есть еще одно оправдание», — писал он позднее во введении к «Первой Государственной думе»:

История не повторяется, но законы жизни не меняются вовсе. Мы присутствуем при одном общем явлении, которое в громадных масштабах совершается на наших глазах: мы видим, как и почему *победители свою победу проигрывают*. Победители Великой войны проиграли 18-ый год. <...> Проиграют ее и возмнившие сейчас тоталитарные государства. В своей книге я вспоминаю эпизод того же порядка; вспоминаю, как победивший в 1906 году русский либерализм *проиграл свое дело*. И мои воспоминания против моей собственной воли не чужды современности⁵³.

Маклаков отдавал себе отчет в том, что, даже если бы русские либералы вели себя в точном соответствии с его рецептами, это могло весьма слабо или вовсе никак не отразиться на ходе событий. Патолого-анатомический анализ может показать, что тактика врачей была правильна, но больной был безнадежен. Если же анализ показывает врачебные ошибки, то их необходимо, по меньшей мере, признать; это уже не поможет больному, но будет полезным если не для этих неудачливых медиков, то для их коллег.

Я не хочу входить в дебри вопроса, с какого момента можно было остановить революцию и можно ли было вообще ее остановить, — писал Маклаков Грузенбергу 31 мая 1929 г. — Я здесь просто подписываюсь под Вашими <...> словами: нужно было вести себя так, как будто остановить ее было возможно. Как доктор должен думать до последней минуты, что больной может выздороветь, и не бросать его, так и политику нужно вести ту линию, которую он считает правильной. И нужно признаться: если либералы вели себя не так, то имен-

⁵³ Маклаков В.А. Первая Государственная дума (Воспоминания современника). Париж, 1939. С. 16.

но потому, что они недостаточно отдавали себе отчет в том, чем им грозила революция⁵⁴.

Маклаков, в отличие от многих его товарищей по партии, отдавал себе отчет в том, к чему может привести революция; он был убежден и в 1904—1905 гг., что «в стране исторического бесправия и невежества всякая революция непременно приведет к коммунизму или пугачевщине». Маклаков не доверял «здравому смыслу народа».

Я всегда считал, — писал он политически находившейся гораздо левее него Кусковой, — что наш народ не только в его низах, но и на гораздо большей степени развития не справится с задачей самоуправления, и наделает глупостей и несправедливостей, и начнет с того, что будет *мстить* своим прежним *господам*; это недоверие к нашей демократии заставило меня панически бояться преждевременной победы; и для меня очередной задачей должно было быть воспитание демократии к самоуправлению, а вовсе не передача ей власти. Оттого-то я боялся четыреххвостки и, конечно, еще больше революции⁵⁵.

Той же корреспондентке он писал:

Я никогда не мог понять, чтобы можно было без риска, даже без заведомого крушения, предоставить демократии управлять государством, пока она не прошла для этого *очень длинную школу*; школу, которая меряется не годами, а поколениями. <...> Будучи сторонником демократического устройства, я считал бы обязанностью партий готовить народ к демократическому самоуправлению; готовить и учить его этому, под известного рода контролем и в известных пределах; знаменитая насмешка над тем, кто не хочет позволить сыну купаться, покуда он не научится плавать, — в сущности, риторика; учить плавать нужно на мелком месте, около берега, там, где нельзя утонуть; учить плавать в открытом море было бы убийством. <...> Если большевики вначале из демаггии довели свою глупость до того, что ставили во главе фабрик рабочих, а во главе больниц и академий сторожей, то ведь и кадеты были немногим умнее, когда хотели поставить во главе России Учредительное собрание, выбранное по четыреххвостке...⁵⁶

Маклаков и до революции был самым правым, по его собственным словам, кадетом; в эмиграции он «поправел» еще больше, хотя не настолько, чтобы перестать быть либералом. Эволюция лидера партии Милюкова имела прямо противоположную направленность; революция убедила его не в чрезмерной демократичности кадетской программы, а в ее недостаточной демократичности. Он приходит к выводу о необходимости сближения с эсерами; становит-

⁵⁴ Hoover Institution. Maklakov collection. Box 8. F. 2.

⁵⁵ Маклаков — Кусковой, 29 декабря 1926 г. (Там же. Box 9. F. 30).

⁵⁶ Маклаков — Кусковой, 15 мая 1923 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 9. F. 17).

ся лидером Республиканско-демократического объединения. Неудивительно, что публикации Маклакова имели для Милокова не только исторический интерес; фактически они были направлены против не только его прошлой, но и нынешней политической деятельности. Возможно, поэтому его критика воспоминаний Маклакова была далека от академической беспристрастности и постепенно перешла к нелицеприятной оценке личности мемуариста.

Впрочем, в текстах Маклакова также проглядывает плохо скрытое раздражение, когда речь заходит о Милокове. Маклаков был человеком достаточно терпимым; он общался с людьми разных политических убеждений; партийная принадлежность в личном общении имела для него второстепенное значение. Неизменная корректность изменяла ему, лишь когда речь заходила о двух-трех его знакомых; Милокову в его персональном «черном списке» принадлежало первое место. Догматизм и самоуверенность партийного лидера казались ему бесспорными; более всего раздражало, конечно, нежелание признать свою долю ответственности за случившееся с Россией.

В споре двух политиков, считал биограф Маклакова Г.В. Адамович,

доводы Милокова убедительнее, картина, им нарисованная, в целом правдоподобнее и, что особенно важно, трагичнее в своей безысходности. Но в пользу Маклакова говорит то, что у него есть сознание вины и ответственности, сознание ошибки, пусть он не всегда ищет ее там, где надо бы. <...> У Милокова смущает то, что он в сознании своей правоты невозмутим и требует для своей деятельности оправдательного приговора и от будущего⁵⁷.

Адамович почему-то считал, что «Милоков в столкновении с Маклаковым мягче, нежели Маклаков в отношении Милокова, особенно в позднейших своих писаниях». Неясно, где Адамович усмотрел у Милокова «неожиданное добродушие»⁵⁸. Полемика Милокова не просто достаточно жестка; временами она переходит в прямое оскорбление; некоторые его статьи в значительной своей части представляют не критику текста, а «разбор» личности его автора.

Милоков напоминал, что Маклаков

всегда был в партии при особом мнении <...> и разрешал себе <...> лишь минимум партийной дисциплины. <...> Он как бы остерегался подходить ближе к ежедневной деятельности партии, держа в уме, очевидно, те мысленные оговорки, которые теперь считал возможным сделать, «не вредя партии». <...> Сейчас <...> В.А. Маклаков высказывает то, что принужден был скрывать тогда. Прибавлю: скрывал *для печати*, потому что, как нам было известно, в своих экстратурах он и тогда критиковал довольно свободно то, что считал если не глупостью, то «условной ложью» своих лидеров: все эти «четырёххвостки», «учредилки»

⁵⁷ Адамович Г.В. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 104–105.

⁵⁸ Там же. С. 104.

и т.п. Признаться, я лично, ввиду этой альтернативы, предпочел бы быть обвиненным, без всякого снисхождения, в глупости⁵⁹.

Признав цель Маклакова — установить в свете позднейшего опыта ошибки русских либералов («наши» общие ошибки», иронично заключив слово «наши» в кавычки, писал Милоков) с тем, чтобы не повторять их в будущем, — *по видимости*, вполне законной, Милоков тут же выводит его «на чистую воду». Маклаков

выдает себя постоянным подчеркиванием, что он, Маклаков, видел последствия этих ошибок уже тогда, когда они совершались. «Уроки истории» лишь помогают ему взять запоздалый реванш над теми «лидерами», которые в свое время навязали ему, посредством партийной дисциплины, осуждаемое ныне поведение. Невозможность провести свою точку зрения в жизнь в свое время, очевидно, оставила в его сознании глубокий и горький след, который и сказывается теперь, — когда ни «вреда» для партии от несвоевременных разоблачений ее «условной лжи», ни опасности партийного обвинения в отступничестве более не существует. Маклаков неосторожно сам указывает на эти исчезнувшие препятствия, налагавшие на него печать вынужденного молчания. Так, личная точка зрения пробивается сквозь видимую объективность юридических построений. Маклаков ведет *свой личный* процесс. Этим объясняется и беспокойный тон его характеристик, и та прорывающаяся неотвязная мысль о партийной обиде, которая как магнит кристаллизует около себя всю пеструю кучу событий, давая их толкованию определенное направление. <...> К прошлому прикована мысль Маклакова; оттуда пошло и дожило до настоящего времени его оскорбленное чувство⁶⁰.

Таким образом, Милоков все свел к чисто личным мотивам — неудовлетворенному честолюбию и желанию взять запоздалый реванш у лидеров, стоявших на более высоких ступенях партийной иерархии, прежде всего у признанного кадетского вождя. В последующих откликах на публикации Маклакова Милоков пошел еще дальше, назвав своего оппонента «не столько единомышленником своей фракции <в III Думе. — О.Б.>, сколько юридическим консультантом»⁶¹. «Его формальная принадлежность к партии никогда нас не вводила в заблуждение; его воспоминания лишь подтверждают наши тогдашние впечатления его отчужденности», — завершал свое отлучение Маклакова от партии кадетов ее лидер⁶².

Заключительные извинения Милокова за возможную резкость суждений о воспоминаниях выглядели вполне формальными.

⁵⁹ Милоков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом». С. 349–350.

⁶⁰ Милоков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом». С. 352, 353.

⁶¹ Милоков П.Н. Либерализм, радикализм и революция. С. 299.

⁶² Милоков П.Н. Либерализм, радикализм и революция. С. 314.

Эта резкость — невольная, вызванная соответственными утверждениями В.А. Маклакова. Я не желал бы, во всяком случае, чтобы читатель заподозрил в тоне моего разбора что-либо личное. Я слишком хорошо знаю положительные качества В.А. Маклакова, чтобы желать каким бы то ни было образом умалить их в своем анализе. Речь идет здесь исключительно о выбранной им политической позиции. Эту позицию я считаю в корне ошибочной. Но политика вообще не составляет сильной стороны этого выдающегося деятеля, и я уверен, что, как бы мы ни судили о политических взглядах Маклакова, партия останется ему благодарна за ту большую долю успеха, которую он внес своими выступлениями в общий итог ее парламентской деятельности⁶³.

Как уже говорилось, в обширной рецензии на «Власть и общественность», опубликованной в двух номерах ПН в мае 1937 г., Милоков не просто нашел эту книгу «вредной», но счел, что ее автор в пересмотре прошлого дошел до ненависти к освободительному движению, борется задним числом с либеральными идеями, вообще в партии был человеком чуждым и случайным.

Эта рецензия возмутила Маклакова до такой степени, что он, обычно воздерживавшийся от полемики по личным мотивам, вознамерился ответить ему на страницах РЗ. Однако редакция поставила условием, что его текст предварительно будет показан Милокову, которому предоставят возможность одновременно Маклакову ответить.

Маклаков написал по этому поводу резкое письмо И.И. Фондаминскому:

Милоков писал про меня обидную и злостную неправду, зная, что мне просто негде ему возразить. А когда через несколько месяцев я получил возможность самозащиты, он требует, чтобы ему дали возможность ответить мне одновременно. Ведь своих ошибок он не признает, и в своем ответе он взвел бы на меня новые небылицы, как это он в течение нескольких лет делал с интригой против займа. А я опять несколько месяцев должен был бы дожидаться возможности на них возражать. По отношению к нему Ваше условие есть очень большая предупредительность; но почему Вы ее называете справедливостью?

Но, конечно, дело не в этом; что мне убудет, если он немедленно мне возразит? Все равно и без Вашей услуги у него есть газета, где он хозяин. И Ваше условие для меня неприемлемо *не потому*. У статьи Милокова был особый характер. Она не политический спор, она оскорбительная личная выходка; он старался убедить, что я человек беспринципный, сторонник политики Александра III, ненавистник Освободительного Движения, который, очевидно, обманом пролез в кадетскую партию, а теперь сводит с ней личные счета. Что он сам понимал, что это неправда, видно из того, что для таких выводов он цитаты из моей книги передергивал. Курьезно, что, очевидно, «ложью» он это не считает. Эти приемы как раз то, в чем он вообще видит «политику». Его неправда могла быть мне лично обидна, но, как видите, я секундантам ему не послал.

⁶³ Милоков П.Н. Либерализм, радикализм и революция. С. 314–315.

Ведь мы все отлично знаем, что у Милокова нет в политике моральных принципов и что он всегда со всеми был таков. Было <бы> непоследовательно вдруг за одного себя на него обидеться⁶⁴.

Несколько дней спустя Маклаков писал Фондаминскому, что обычно он на критику не возражает и если решил сделать исключение для Милокова,

то именно потому, что он задел меня лично в тоне достаточно неприличном, а по существу заведомо лживом. <...> по моему убеждению, манера Милоковских статей очень выпукло ставит те его свойства, которые объясняют неудачу его кадетского лидерства. <...> было бы неискренно, если бы я сказал, какое мне дело до того, что про меня думает Милоков; и когда он публично заподозривает мою политическую честность, то мне трудно не обращать на это никакого внимания. А наконец и самая цель этого утверждения! Ведь он ее изложил откровенно; он не желает мне возражать по существу, ибо уверен, что он меня уже уничтожил в своих прежних статьях; он избрал более удобный путь; показать, какой я мерзавец, и этим раз навсегда от моих возражений отделаться. Я не думаю, что я бы унизил себя, если бы на это хотел возразить⁶⁵.

Очевидно, договориться с редакцией РЗ на сей раз Маклакову не удалось и он смог ответить Милокову лишь два года спустя, во вступлении к «Первой Государственной думе». К этому времени Маклаков несколько поостыл и хотя по существу ответил Милокову достаточно жестко, на личности все же не перешел. Заявив об отказе от полемики с Милоковым, поскольку «слишком во многом» с ним расходится, Маклаков попытался устранить «недоразумения». Обвинения со стороны кадетского лидера в отходе от идей либерализма он назвал подтасовкой понятий.

Маклаков, напротив, подчеркивал свою приверженность идеям либерализма; России в начале века нужна была

самодеятельность личности, защита *личных* прав человека, ограждение его против *государства* <...> Либерализм в России должен был победить, ибо боролся за то, что было ей нужно, через что ей необходимо было пройти <...>. Но признавать верность идей не значит одобрять все действия тех, кто им хочет служить. Идеи были и правильны, и своевременны, но представители их в то минувшее время им служить не сумели⁶⁶.

Маклаков совершенно не верил в здравый смысл народа, справедливо полагая, что правосознание вырабатывается, точнее, воспитывается постепенно, десятилетиями. Переход к зрелым формам демократии может быть толь-

⁶⁴ Маклаков – Бунакову-Фондаминскому, 7 июля 1937 г. (Hoover Institution. Maklakov collection. Box 6. F. 12).

⁶⁵ Маклаков – Бунакову-Фондаминскому, 10 июля 1937 г. (Там же).

⁶⁶ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. С. 6.

ко постепенным и возможен только при определенном уровне культурного развития народных масс. Предпосылкой для немедленной реализации в России кадетской программы он не видел.

Народная воля не была для Маклакова «священной коровой», а демократия — панацеей от всех бед. Доктринерство партийных лидеров, разумеется прежде всего Милюкова, его раздражало. Сначала «воспитание», затем всеобщее избирательное право — так можно было бы сформулировать «правило Маклакова».

И двадцать, и тридцать лет спустя после революции мысли Маклакова все еще казались его бывшим соратникам — не говоря о противниках — еретическими⁶⁷. Его рассуждения представлялись им умозрительными, а «идеальная модель» взаимоотношений либеральной партии с властью — не выдерживающей проверку историческими реалиями дореволюционной России. Критики Маклакова были во многом правы; историю нельзя переиграть, а конкретные люди вели себя в свое время совсем не так, как, казалось, должны были вести.

Сильная сторона его размышлений, столь необычных для деятеля оппозиции, — как раз понять правду противоположной стороны. Нельзя сказать, что он не замечал ошибок, недобросовестности и прямых преступлений «исторической» власти; в том, что случилось с Россией, виноваты были все; но отвечать каждому надо было за свою собственную вину. Кадеты, по мнению Маклакова, своей вины не понимали. А вина их в конечном счете сводилась к тому, что они пытались осуществить правильные идеалы неправильными методами — и взяли к тому же неверный темп, не сумев понять реальной готовности — точнее, неготовности народа к либеральным преобразованиям. Правда бюрократов, консерваторов заключалась в том, что они лучше знали страну и механизмы управления. Либералы раскачали лодку, будучи уверенными, что справятся с течением, — и не сумели удержать руль; выброшенными за борт оказались все.

Воспоминания Маклакова стали одним из самых — если не самым — значительных небеллетристических текстов, опубликованных на страницах СЗ. Концепция Маклакова повлияла и на авторов исторических трудов, и на писателей, пытавшихся осмыслить исторический путь России. Назову некогда очень популярную «Историю либерализма в России» В. Леонтовича⁶⁸ и, конечно, «Красное колесо» А.И. Солженицына. Другое дело, насколько эти авторы адекватно восприняли маклаковскую «историософию».

Публикации маклаковского текста в СЗ — редкий случай в истории русской журналистики, когда редакция печатала текст, противоречащий ее взглядам. Дело здесь было, по нашему мнению, не столько в терпимости эсеровской

⁶⁷ На публикацию «Еретических мыслей» Маклакова в НЖ (1948. № 19, 20), в которых бывший парламентарий рассуждал о некоторых парадоксах демократии, откликнулся — разумеется, весьма критически — его «вечный спутник» Вишняк. См.: *Вишняк М.В.* В.А. Маклаков о демократии // НРС. 1948. 14 нояб.; *Он же.* Демократия по В.А. Маклакову // НРС. 1948. 21 нояб.

⁶⁸ *Leontovitsch V.* Geschichte des Liberalismus in Rußland. Frankfurt am Main: V. Klostermann, [1957]. В русском переводе книга впервые вышла в 1980 г. в Париже, во французском — там же в 1987 г.

редакции, сколько в совпадении различных обстоятельств, обусловивших начало публикации, а затем сделавших отказ от ее продолжения «неприличным». Редакция, дабы уменьшить «вред» воспоминаний Маклакова, сопровождала его время от времени обширными критическими (временами весьма резкими) статьями: сначала по Маклакову «выстрелил» Вишняк, затем в ход была пущена «тяжелая артиллерия» – Милоков. Таким образом, редакция уподобилась змее, кусающей собственный хвост.

Как бы то ни было, текст был опубликован, добавив «дров» в костер полемики о причинах и смысле русской революции. Poleмики, в которой вряд ли когда-нибудь будет сказано «окончательное слово».